

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

Мы ужинали в подвальчике "Ленинграда", самого модного (по слухам) вечернего ресторана Киева. Председательствовал профессор Поршнева. А дальше по порядку сидели молодые психологи - Андрей Брушлин-ский (Институт философии Академии наук СССР), Рита Бобнева (Институт социологии Академии наук СССР), Арон Брудный (Институт философии Академии наук КССР). Если учесть комбинацию характеров, мы сидели не за столиком - на пороховой бочке, готовой взорваться от одного неосторожного слова. Каждый в этой узкой компании кандидатов и докторов наук что-нибудь воинственно отрицал: работы того или иного ученого, ту или иную психологическую школу, те или иные методы экспериментирования.

А еще... Кто-то наверняка терпеть не может любимого "снежного человека" Поршнева (а на поиски его Борис Федорович потратил столько времени, сил и страсти) и вот-вот выложит ему свои доводы, не стесняясь в выражениях. Кто-то непременно скажет, и я даже догадываюсь, кто именно, что науки психологии, , в сущности, нет, и социологии тоже нет, а значит, нет и их симбиоза - социальной психологии.

- Помилуйте, почему вы столь решительны? - возразит, вероятно, Борис Федорович. - Что за мрачность в ваши лета! Однако вы меня фрондерством не проведете, я читал вашу книгу: дельная работа, с позитивным подходом. Зачем же самого себя ниспровергать?

- Да что вы, Борис Федорович, разве я ниспровергатель? Я мирный человек. Вот Андрей у нас он и есть ниспровергатель. Он, Борис Федорович, кибернетические методы в изучении психики отрицает.

- Как, совсем?

- Совсем.

- Да, да, я читал тезисы вашего доклада. Не разделяю ваших идей.

- Тогда позвольте мне объясниться. - И, четко отмеряя силу доказательств наклонами головы, Андрей Брушлинский откроет дискуссию. И дискуссия эта будет острее и парадоксальней вялых околосьездовских разговоров.

Да, ситуация за столом назревала острая, напряженность росла. Сейчас начнут спорить, говорить друг другу изысканные колкости. А может быть, это хорошо? Может быть, так и надо - хоть изредка сталкиваться между собой совсем разным людям, чтобы говорили друг другу бог весть что.

"Есть две вещи, которые нельзя путать, - сказал мне как-то Брудный, - спорт размышлений и труд мыслей. Чтобы главное, о чем думаешь, перешло в труд мыслей, нужен спорт размышлений".

Чем не спорт этот вечер? Пусть кидают друг другу мячи! Так редко случаются такие неожиданные и острые вечера в нашей замкнутой, идущей в своих привычных для каждого кругах жизни, что пусть они будут, пусть случаются!

Нет, к сожалению, все обойдется. Яростных споров не будет. Положение спасет, как всегда, тот же Брудный. Он деликатен и все понимает. Он смягчит и не допустит.

Но положение спасает не Брудный и даже, не оркестр, - оркестр гремит немилосердно - к нему мы в конце вечера приспособились и даже натренировались его перекрикивать. Борис Федорович вспоминает старый Московский университет, и полемический запал уходит куда-то в сторону. И я наблюдаю то, с чем сталкивалась уже не раз: молодое поколение психологов с каким-то особенным, почти болезненным интересом относится к недавнему прошлому своей науки.

У математиков, физиков - словом, у представителей преуспевших наук - совсем иная, хорошо отработанная система воспоминаний. Иная тональность их. Чаще всего это короткий рассказ-быль, построенный в ффме анекдота. Рассказ типа:

"Однажды к Дау (Ландау) приходит ученик и спрашивает...", или: "Только циклотрон построили, приходит к сторожу приятель и говорит: "Вась, покатай на циклотроне". Разогнал он циклотрон и..."

У психологов веселого фольклора почти нет. Зато есть неистребимая тяга к разговорам о прошлом и есть страх, что незаписанное, оно забудется. Непростое прошлое психологии воплощено для них не столько в нереализованных идеях (наука не стоит на месте, и идеи все равно уже реализованы), сколько в ушедших людях. Потому, должно быть, воспоминания почти всегда непрофессиональны, в них важны не идеи - люди. Человек, его поведение, быт, привычки: как читал лекции, с кем дружил, кого из учеников любил.

...Борис Федорович вспоминал, первых советских психологов, чьи лекции он слушал, с кем начинал сотрудничать. А потом заговорил об исторической психологии, о реальных трудностях, ожидающих всякого, кто решится ею заниматься, о необходимости особого, синтетического образования, о том, что получить его можно только самостоятельно, ибо психологи, по инерции упоминая об историзме психики, предпочитают не заглядывать в историю, историкам же непривычны методы мышления психологов. И потому вся психологическая история человечества, за исключением нескольких отреставрированных кусочков, - огромная неподвижная стихия.

* * *

Только вернувшись в Москву, порывшись в каталогах, я прониклась оптимистической горечью Поршнева. В Ленинке - ничего, в Исторической - тоже ничего, в библиотеке Института психологии несколько небольших обзоров. Обзоры признавались: сложности исторической психологии не только в молодости самой проблемы, они тесно связаны с неразработанностью и беспомощностью современной психологии.

Тут, пожалуй, следует сделать маленькое и не очень занимательное отступление.

Для всякого конкретного исследования в любой науке прежде всего нужна гипотеза, система правил, связей, перспектив. Ими должен руководствоваться ученый. В исторической психологии при огромном числе противоречивых теорий, при необозримости подходов к человеку эти первоначальные принципы особенно важны. Собственно, иначе просто было бы неясно, с чего начинать.

Французские исторические психологи исходили из того, что психика, сознание, личность человека не неизменны на протяжении истории. Человек меняется, меняется его тип мышления, его восприятие, его сознание. Поэтому в своих работах француз Иньяс Мейерсон выдвинул метод анализа, низшего через высшее: "Различные формы умственной деятельности, сменяющие друг друга на протяжении тысячелетий, следует сравнивать с

психикой современного человека". Неполное исследовать через совершенное, едва намечившиеся психические функции - через вполне развитые.

Значит ли это, что современный уровень сознания - высшая точка развития и человечеству суждено навсегда остаться на нынешней ступени психического развития? Нет! Психика человека непрерывно развивается вместе с развитием общества, и развитие это бесконечно.

Но плодотворный для других наук принцип - "низшее через высшее" - применить в психологии сложнее, чем где бы то ни было. Высшее - это сегодняшний человек, индивид, личность.

Что знает о нем наука? Набор пестрых обрывочных сведений, сотни теорий, тысячи экспериментов, произвольно толкуемых, - архитектура психической жизни человека известна мало, реконструированы лишь некоторые' блоки, установлены отдельные связи, но самого здания психологии нет. Нет эталона. Историческому психологу сравнивать прошлое не с чем.

И все-таки что же главное в человеке? Пусть мы не знаем подробностей (а если какие-то и знаем, то подробности эти рассыпаются, как стекляшки в сломан-

ном детском калейдоскопе), но должна же быть рабочая гипотеза! Мейерсон в качестве главного выделяет труд и регулирующие его умственные структуры. "Труд - основная деятельность человеческого общества и в то же время его главная психологическая функция. Труд - стержень личности человека XX века, в труде он является более всего самим собой... человек только предчувствует, чем мог бы быть для него труд!" - оптимистически восклицает Мейерсон.

А раз так, то, очевидно, можно изучать психику человека по продуктам его труда. В исторической психологии фигура человека правомерно выступает как тот X, то неизвестное, свойства которого должны быть восстановлены по результатам его созидательной деятельности... В последовательности творений психолог должен найти ум, который их создал, выявить его уровень, аспекты, трансформацию и, таким образом, через историю творений воссоздать историю ума, историю психологических функций.

Итак, психологический анализ материальной и духовной культуры. Естественно, внимание психологов привлекают переходные моменты в истории человечества. Распад первобытнообщинного строя, выделение классов, рост городов, развитие ремесел - весь этот привычный перечень впервые в истории науки рассматривается под новым углом зрения: как усложнялся, перестраивался в процессе этих изменений человек.

Материальная и духовная культуры человека

Разрыв кровнородственных связей, объединение людей по чисто территориальному признаку привели к повышению роли эмоций в общении людей. Для того чтобы ладить с другими, "чужими" людьми, нужно было научиться осознавать как чувства этих людей, так и свои собственные. И вместе с тем появление полиса тоже, в свою очередь, результат больших изменений в мышлении человечества. Абстрактность мышления увеличивается: появляется произвольность в территориальном делении, провозглашается равноправие

граждан независимо от профессии, происхождения и прочего. Наконец, появляются деньги и с ними вместе новое абстрактное понятие ценности.

Все это - отпечатки новых состояний человека.

Но о многих психических функциях судить только по сохранившимся "творениям" довольно трудно, часто же - почти невозможно. Здесь нужны иные способы психологической реставрации, иные, еще не разработанные наукой методы исследования.

Особенности восприятия времени, движения, пространства... Как быть с ними?

[Журнал "Молодой ученый"](#)

Принимаются материалы в ближайший номер! Одна страница - 120 рублей.

www.moluch.ru